

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 61–67

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 61–67

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-61-67>, EDN: SEZFS

Научная статья

УДК [325.3(410)+94(735.5)] | 1754/1763 |

Рост протестных настроений в Виргинии после завершения Франко-индейской войны 1754–1763 годов

Е. П. Макаров

Самарский государственный технический университет, Россия, 443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244

Макаров Егор Павлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, egor.makarov.esq@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-1105-0260>, AuthorID: 741202

Аннотация. В статье на материалах официальных государственных документов, а также американской и британской прессы и политической публицистики анализируется процесс постепенной смены настроений виргинского общества в середине XVIII в. Показано, что процесс формирования политического самосознания виргинского населения в значительной степени был вызван изменениями в характере взаимоотношений между колонией и метрополией после окончания Франко-индейской войны 1754–1763 гг. Особое внимание уделяется мотивам представителей правящих элит Виргинии, которые имели практически полный контроль над внутриколониальной политикой. В споре с метрополией они преследовали не только свои личные цели, но и стремились заботиться о благе всего локального сообщества провинции. Формулируется вывод, согласно которому последовательные попытки Великобритании ввести на территории колоний новую систему содержания регулярной армии и новое налоговое законодательство привели к кризису во взаимоотношениях, в ходе которого произошло осознание виргинцами собственных фундаментальных прав на свободное и самостоятельное принятие решений в экономических и политических вопросах.

Ключевые слова: Великобритания, Виргиния, XVIII век, колониальная политика, Акт о гербовом сборе 1765 года, общественное мнение, протестные настроения

Для цитирования: Макаров Е. П. Рост протестных настроений в Виргинии после завершения Франко-индейской войны 1754–1763 годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 61–67. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-61-67>, EDN: SEZFS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The rise of protest sentiment in Virginia after the end of the French and Indian War of 1754–1763

Е. П. Макаров

Samara State Technical University, 244 Molodogvardeyskaya St., Samara 443100, Russia

Egor P. Makarov, egor.makarov.esq@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1105-0260>, AuthorID: 741202

Abstract. The article, using materials from official government documents, as well as the American and British press and political journalism, analyzes the process of gradual change in the mood of Virginian society in the mid-18th century. It is shown that the process of formation of the political identity of the Virginian population was largely caused by changes in the nature of the relationship between the colony and the metropolis after the end of the French and Indian War of 1754–1763. Particular attention is paid to the motives of representatives of the ruling elites of Virginia, who had almost complete control over intra-colonial politics. In the dispute with the metropolis, they pursued not only their own personal goals, but also sought to take care of the welfare of the entire local community of the province. The conclusion is formulated that the successive attempts of Great Britain to introduce a new system of maintaining a regular army and new tax legislation into the colonies led to a crisis in relations, during which the Virginians realized their own fundamental rights to free and independent decision-making in economic and political matters.

Keywords: Great Britain, Virginia, XVIII century, colonial policy, Stamp Act of 1765, public opinion, protest sentiments

For citation: Makarov E. P. The rise of protest sentiment in Virginia after the end of the French and Indian War of 1754–1763. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 61–67 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-61-67>, EDN: SEZFS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

После заключения Парижского мирного договора 1763 г. Франция перестала рассматриваться в качестве опасного конкурента Великобритании в процессе освоения североамериканского пространства. С установлением относительной военно-политической стабильности колониальные администрации получили чёткие и однозначные сигналы о намерении метрополии разобраться в местных финансово-экономических вопросах. С одной стороны, удержание завоёванных территорий требовало новых значительных расходов, с другой – метрополии было необходимо в кратчайшие сроки возместить собственные затраты на Франко-индийскую войну 1754–1763 гг. [1, р. 8–23]. Британская армия находилась на американском континенте, и центральное правительство не было уверено в целесообразности её роспуска или возврата в Европу. По мнению правительства, приграничные форты были готовы для размещения солдат, а их обеспечение провизией и амуницией, а в некоторых случаях и жалование, должны были компенсироваться за счёт местных бюджетов [2, р. 12–15].

Министры правительства Джона Стюарта, 3-го графа Бьюта, предполагали, что в послевоенных условиях главной угрозой британским провинциям Северной Америки становились местные индейские племена. Потенциальная вероятность конфликта с ними требовала поддержания в боеготовности приграничных гарнизонов, что также стоило немалых финансовых средств. Эти опасения оказались не напрасными, ведь уже в 1763 г. началось восстание Понтиака, поставившее под удар территории сразу нескольких провинций, в том числе и Виргинии. По подсчётом чиновников метрополии, расходы на содержание почти 10-тысячного контингента в Америке должны были ежегодно составлять более 200 тыс. ф. ст., и Виргинии как одной из наиболее богатых колоний предлагалось взять на себя часть этих затрат [3, р. 175–190].

Виргиния вышла из Франко-индийской войны с уже возросшими расходами на поддержание безопасности колониальной границы. Местная администрация должна была распределить эти суммы между округами западного приграничья и, кроме того, изыскать средства на послевоенное восстановление тех же территорий от повсеместного разорения. В этом вопросе виргинцы сразу получили от метрополии чёткий сигнал о том, что решение внутренних финансовых проблем провинции полностью ложилось на местный бюджет, и государственной помощи из метрополии ждать не следовало. Несмотря на это обстоятельство, в кругах правящей элиты Виргинии началось обсуждение вопроса о возможных источниках для выплаты жалования офицерам и перспектив их постоянного закрепления в округах западного приграничья. Предполагавшееся решение данной проблемы было найдено возвращении к довоенным схемам движения фи-

нансовых потоков 1750-х гг., когда средства брались от продажи и перепродажи земли. Была достигнута предварительная договорённость о безвозмездном выделении сельскохозяйственных участков для военных, задействованных в защите округов Хэмпшир, Фредерик, Огаста, Албемарл, Бедфорд, Галифакс [4].

Дальнейшие переговоры между правящими кругами Виргинии и высшими чиновниками метрополии осложнились сменой кабинета министров. На место ушедшего в отставку Джона Стюарта пришёл Джордж Гренвилл, который предпочёл не только не обострять противоречия, но более того – стал рассматривать возможность покрытия большей части военных расходов в колониях из государственного бюджета. Споры о том, где взять недостающую часть финансирования, осложнялись тем, что в послевоенной Виргинии ощущался недостаток европейских денег, а бывшие в широком ходу местные платёжные векселя часто не принимались военными в качестве жалования. Несмотря на то, что довоенная система бюджетных отношений между Виргинией и метрополией в вопросах финансирования армии всю первую половину XVIII в. основывалась на принципе добровольного вклада в общее дело обороны, переговоры с правительством Дж. Гренвилла быстро приобрели характер грубого диктата. Продвигая новую схему финансирования британских военных в Америке, Дж. Гренвилл рассчитывал на то, что именно метрополия будет распоряжаться всей совокупностью финансов, включая ту меньшую их часть, которую давали американские провинции. Таким образом, метрополия прямо вторглась в вопросы внутреннего движения финансовых потоков в Виргинии, которые никогда ранее не были детально подотчётны центральной власти [5, р. 561–576].

Администрация Дж. Гренвилла анализировала общественные настроения на всём колониальном пространстве Северной Америки и в целом не выявила серьёзного недовольства грядущей реформой. Но виргинские правящие элиты восприняли предложения Дж. Гренвилла как ясное требование о прямом изъятии части провинциальных финансов в общий бюджет метрополии. Исторически такая схема взаимодействия никогда не практиковалась, и виргинское сообщество весьма болезненно восприняло не предполагавшиеся расходы на оборону, а безосновательное вмешательство метрополии в народное хозяйство провинции. Устройство виргинской экономики было достаточно сложным, а её устойчивость на протяжении первой половины XVIII в. основывалась преимущественно на двух инвестиционных потоках. Внешний приток финансов обеспечивался трансатлантической сырьевой торговлей, а внутренний генерировался благодаря спекулятивной продаже и перепродаже

земельных наделов на территории западного приграничья [6, с. 59–65].

Франко-индийская война 1754–1763 гг. нанесла серьёзный удар по обоим обозначенным источникам инвестиций, и виргинская экономика сохранила устойчивое развитие лишь благодаря концентрации накопленного за полвека капитала. Однако объём имевшихся в наличии ресурсов был известен лишь приблизительно, поскольку подавляющая часть материальных ресурсов колонии была рассредоточена по предприятиям местных богатейших семейств. Таким образом, в Виргинии единого провинциального бюджета в европейском понимании на практике никогда не существовало, а решения о любых крупных затратах колонии принимались не столько вице-губернатором, сколько волей коллектива реальных держателей финансовых средств. При этом в сознании виргинцев существовали заметные отличия в восприятии обязательств, которые люди брали на себя в период активных боевых действий и в послевоенный период. С наступлением мира в отношениях с французами виргинские правящие элиты в лице семенных кланов Ли, Бёруэлл, Рэндолльф, Картер и др., значительно пересмотрели собственные расходы и перенаправили часть имевшихся в их распоряжении ресурсов на восстановление хозяйства пострадавших округов. Силы вспомогательных войск местного ополчения были переориентированы на землеустроительные работы, и всем казалось, что уже в 1764–1765 гг. удастся в полной мере восстановить темпы колониального продвижения на западе. Учитывая, что единственный опасный соперник в процессе освоения долины Огайо в лице французов был устраниён, многие современники считали Франко-индийскую войну удачной инвестицией народа Виргинии [7, р. 175–196].

Роспуск местного вспомогательного ополчения и прекращение закупок для британской армии привели к вы свобождению материальных ресурсов, имевших для метрополии конкретное денежное выражение. Поскольку военные затраты Виргинии и других колоний на обеспечение регулярных войск с 1763 г. вновь перешли на метрополию, Дж. Гренвилл имел чёткое понимание того, какими суммами каждой колонии ежегодно обходилось содержание солдат. Если обсуждения послевоенного финансирования британского военного присутствия в регионе с администрацией Д. Стюарта проходили достаточно конструктивно, то их продолжение с правительством Дж. Гренвилла быстро зашло в тупик. И Виргиния, и другие колонии в итоге признавали, что требование метрополии о финансировании военного присутствия может быть удовлетворено, однако происходить это должно на условиях самой провинции. Главным из условий, обозначенных всеми колониями, должно было стать

сокращение численности готовившихся к расквартированию регулярных войск [8, р. 164–193].

Параллельно с этим непростым переговорным процессом администрация Дж. Гренвилла начала масштабную и планировавшуюся ещё в начале 1750-х гг. ревизию всей колониальной налоговой системы. Данная проверка и приведение североамериканской системы налогов и сборов в порядок были отложены на период Франко-индийской войны, и возвращение к этому вопросу в 1764 г. было воспринято виргинскими правящими элитами ещё более негативно, чем споры о расходах на оборону [9, р. 235–264].

Британское правительство не приняло во внимание главные причины роста виргинской экономики в 1720–1740-е гг., заключавшиеся в целенаправленном обходе требований явно устаревшего имперского торгового законодательства. Решив упорядочить старые и ввести новые налоги для колоний именно в 1764 г., правительство Дж. Гренвилла выбрало самый неподходящий момент, и виргинское общество восприняло его инициативу как попытку изъять ресурсы, сбережённые местными производителями для послевоенного восстановления собственных пострадавших территорий. Попытки начать государственное регулирование торговли табаком и сахаром сразу встретили ожесточённое сопротивление местного сообщества, и новоприбывшим чиновникам ясно дали понять, что соблюдать требования метрополии никто не намерен. В подобных условиях чиновники чаще всего шли на сделку с местными производителями и торговцами, а в метрополию отсылались ревизионные отчеты, не содержавшие достоверной информации [10, р. 393–395].

Послевоенное восстановление виргинской экономики напрямую зависело от способности местных правящих элит реинвестировать собственные капиталы, и возвращение к довоенным схемам обхода требований британского законодательства представлялось им жизненной необходимостью. В этот процесс оказались вовлечены не только сельскохозяйственные и добывающие, но также и потребительские товарные производства Виргинии. И крупные виргинские собственники, и большое количество прямо зависевших от них работников не желали нести убытки из-за нововведений и воспринимали возникшую ситуацию как неумелую попытку метрополии решить собственные проблемы за счёт американских поселенцев. Помимо того, что практики контрабанды и подкупа таможенных работников стали применяться ещё чаще, чем в предвоенное время, в виргинском обществе быстро росла волна недовольства, прямо отражённая в общественном мнении [11, р. 543–559].

На протяжении периода активного обсуждения нового законодательства, распространявшаяся в Виргинии политическая публистика

и прессы изобиловала сюжетами о несправедливости и недальновидности королевских министров [12]. Встречались упоминания о том, что король и парламент не имеют реального представления о происходивших в Северной Америке событиях [13]. Постепенно акцент общественного недовольства сместился на правовой анализ налоговой политики, которую всё чаще называли противоречившей древней английской конституции [14, р. 90–114].

С 1764 г. в виргинском обществе начинает обсуждаться явное противоречие между правами и привилегиями, которыми виргинцы, как подданные короля, могли пользоваться по английскому правовому обычанию, и новым законодательством, которое вводилось для них без представления защиты их интересов в парламенте. К этому времени сообщество виргинских правоведов было серьёзной силой, с которой чиновникам метрополии явно приходилось считаться. Местные юристы развили опыт 1730-х гг., когда их борьба за более справедливое налогообложение производства и торговли сахаром увенчалась успехом именно благодаря многочисленным отсылкам на несоответствие проводимой политики основополагающим конституционным принципам [15, р. 63–83].

В подобных условиях налоговая реформа Дж. Гренвилла не только не была свёрнута, а напротив, признавалась властью как наиболее продуманная. В правительстве учли опыт недовольства виргинцев 1730-х гг. и, исходя из требований времени, существенно переработали изначальный проект реформ начала 1750-х гг., исполнению которого помешало начало Франко-индийской войны. В новом, доработанном проекте был учтён и передовой европейский опыт, при котором наибольшую собираемую эффективность показывали сборы, которые в наименьшей степени влияли на отдельно взятого гражданина. По сравнению с ситуацией в других колониях, общество Виргинии было более консолидированным, поскольку население каждого из округов имело чёткую ориентацию на местных крупнейших земельных собственников. Таким образом, экономическое могущество богатейших семейств Виргинии имело и политическое выражение, заключавшееся в их возможности за короткий срок мобилизовать потенциал всех местных жителей. Когда правительство Дж. Гренвилла заявляло о безусловном праве метрополии вводить новые налоги в колониях, виргинцы признавали верховенство парламента, но настаивали на согласовании с ними формы и деталей предполагавшегося налогообложения. По мнению правящих элит Виргинии, новые требования метрополии означали наличие у центральной власти желания в ещё большей степени контролировать местные производства и товарооборот, но по правовому обычанию это было

вовсе невозможно без парламентского представителя, который являлся бы защитником местного населения от потенциального произвола [16, р. 172–174].

Виргинцы понимали логику Дж. Гренвилла, не скрывавшего своего намерения изыскать в Северной Америке суммы, необходимые для частичного покрытия государственного долга. Однако для них существовала большая разница между внешним налоговым контролем по парламентской санкции и внутренними налогами, которые устанавливались лишь с достижением консенсуса Дома Бёрджесов, губернаторского совета и самого вице-губернатора Виргинии. Богатейшие семейства колонии не желали изменять отложенную за первую половину XVIII в. систему движения колониальных финансов. Они видели в реформаторских устремлениях Дж. Гренвилла большую угрозу и своему личному благосостоянию, и что ещё более важно – уровню жизни огромного количества зависимых от них людей, прямо задействованных в процессе послевоенного восстановления виргинской экономики [17, р. 453–468].

Получивший в этот период широкую известность лозунг о невозможности налогообложения без представительства в парламенте не был новым, и уже с 1730-х гг. упоминался в виргинских спорах с властями метрополии. Поскольку виргинцы так же, как и население других североамериканских колоний, были представлены лишь в законодательных собраниях собственных провинций, их совершенно не удовлетворили доводы секретаря казначейства Т. Уэйтли, который активно продвигал идею условного представительства. Соображения Т. Уэйтли базировались на обязанности парламентариев защищать интересы всех подданных короля, в том числе и находившихся на территории Северной Америки. В период обострения споров колонии и метрополии вокруг нового налогового законодательства виргинские общественные деятели подключались к межколониальной полемике на эту тему. Высокую оценку виргинцев получили идеи массачусетских политиков С. Адамса и Д. Отиса, а также мэрилендского юриста и публициста Д. Делани. Виргинский Дом Бёрджесов быстро наладил связь с законодательными собраниями Нью-Йорка, Нью-Джерси, Род-Айленда, Массачусетса и Коннектикута в надежде общими усилиями остановить грядущую налоговую реформу [18].

Даже при отсутствии реальных политico-правовых механизмов сотрудничества между всеми американскими провинциями им всё же удалось выработать единую линию противодействия непопулярной реформе. В начале 1765 г. на встрече премьер-министра Дж. Гренвилла с колониальными агентами прямо обсуждалась возможность компромисса, при котором американские провинции были готовы принять

реформу, но только в случае придания ей конституционного характера. Когда правящие элиты Виргинии осознали тщетность переговоров с администрацией Дж. Гренвилла, началась подготовка к прямому бойкотированию реформы. В период 1764–1765 гг. даже вице-губернатор Ф. Фоке признавал, что спор с богатейшими семействами колонии был ошибкой британского правительства [19, р. 257–272].

Гербовое законодательство было принято 22 марта 1765 г. большинством голосов в Палате общин и единогласно в Палате лордов, и уже с 1 ноября того же года изменения должны были вступить в силу в Виргинии, а также во всех остальных американских провинциях. Для виргинского народного хозяйства новая налоговая нагрузка была наиболее болезненной в сфере земельной торговли. На обширной территории недавно образованных округов западного приграничья ежедневно заключалось огромное количество земельных сделок, при этом один и тот же надел мог за короткий период уменьшаться или увеличиваться в размерах и перепродаваться множество раз. В областях внутренней Виргинии земельных сделок было относительно меньше, чем в западном приграничье, однако там новые нормы затрагивали юридическое сопровождение торговых сделок с местной продукцией. В целом налоговая нагрузка должна была возрасти во много раз, и местное сообщество решило не дожидаться предполагавшихся с 1 ноября 1765 г. изменений [20].

Виргинские правоведы обозначили несколько связанных с налоговыми нововведениями проблем, которые казались практически неразрешимыми. Во-первых, гербовые знаки требовалось приобретать за британскую валюту, а она на территории колонии была в большом дефиците. Во-вторых, гербовый сбор распространялся и на документацию судов церковной юрисдикции, которых в колонии официально не было. Само обсуждение их возможного введения, как и дискуссия относительно возможного присутствия в колонии англиканского епископа, были для Виргинии крайне болезненными и спорными вопросами. Ещё больше напряжённых споров в виргинском обществе вызвало наказание, предполагавшееся за нарушение требований гербового законодательства. Подобные дела должны были рассматривать военно-морские судебные комиссии, напрямую подконтрольные Адмиралтейскому суду. С этой инстанцией у виргинских торговцев и производителей всю первую половину XVIII в. складывался негативный опыт взаимодействия, связанный с постоянным нарушением предписаний Навигационных актов. Поскольку ранее присутствовавшие в Северной Америке судебные комиссии Адмиралтейского суда занимались рассмотрением нарушений в открытом море, то после 1 ноября 1765 г. ситуация

должна была измениться. Виргинские правоведы заключили, что в новых условиях судебные комиссии Адмиралтейского суда должны были распространить своё влияние на континент, что нарушило бы сложную систему договорённостей между королевскими таможенными чиновниками и местными торговыми-финансовыми элитами [21, с. 95–102].

Правящие круги Виргинии с марта по май 1765 г. вырабатывали свой ответ на предполагавшиеся нововведения, и в итоге Дом Бёрджесов принял документ, ставший известным как «виргинские постановления». В нём за умеренными формулировками и ссылками на унаследованные от первых поселенцев права и привилегии фактически содержался отказ от подчинения требованиям гербового законодательства. Другие провинции также пытались бороться с нововведениями, для чего использовали и потенциал собственных законодательных собраний, и мощь колониальной прессы. Повсеместно стали звать лозунги о том, что любые попытки установления налогообложения без представительства американское колониальное сообщество будет рассматривать как тиранию метрополии [22, р. 203–221].

Учитывая, что переговоры о возвращении к учёту взаимных интересов велись между Виргинией и чиновниками метрополии всё лето 1765 г., ситуация нарастания протестов не приобретала критического масштаба. Правящие элиты колонии были готовы к компромиссному решению относительно выплаты жалования расквартированных в западном приграничье регулярных войск, однако категорически отказывались подчиняться новым требованиям гербового законодательства, поскольку его исполнение наносило бы ещё не вполне оправившемуся после войны хозяйству Виргинии непоправимый вред.

Правительство Дж. Гренвилла ушло в отставку в июле 1765 г., и ему на смену пришла новая администрация во главе с Ч. Уотсоном-Уэнтуортом, 2-м маркизом Рокингемом, который сразу попытался оценить масштабы недовольства в колониях. Отложив введение нового налогового законодательства, он негласно пообещал жителям американских провинций свернуть данную непопулярную реформу. Уже 14 января 1766 г. Ч. Уотсон-Уэнтуорт сообщил парламенту о невозможности исполнения первоначального плана реформы, 21 февраля была принята резолюция об отмене гербового законодательства, и данный процесс завершился 18 марта после одобрения королём [23].

Параллельно с усилиями Ч. Уотсона-Уэнтуорта с осени 1765 г. в Северной Америке началась организация колониальных корреспондентских комитетов, координировавших борьбу за отмену гербового законодательства. Помимо Виргинии, в данные комитеты вошли Нью-Йорк, Коннектикут, Род-Айленд, Мэ-

риленд, Нью-Хэмпшир, а также другие провинции. На так называемом конгрессе гербового законодательства виргинские делегаты не присутствовали по двум причинам. Во-первых, в среде богатейших семейств колонии не было полного единства относительно способов борьбы с предполагавшимися нововведениями, и многие авторитетные представители правящей элиты склонялись к продолжению переговоров с правительством. Во-вторых, на фоне сомнений крупнейших землевладельцев вице-губернатор Ф. Фокье предпочёл временно распустить местное законодательное собрание, чтобы не обострять отношения с метрополией и получить дополнительный козырь в переговорном процессе [24, р. 52–57].

Добившись отмены гербового законодательства, виргинские правящие элиты постепенно пришли к выводу о том, что могут говорить с чиновниками метрополии с позиций силы. Полностью контролируя производство и торговлю в огромном регионе и в то же время оказывая значительное влияние на сопредельные провинции, виргинские богатейшие семейства к середине 1760-х гг. осознавали, что их экономическое могущество обеспечивало им ещё и политическую власть. Удачный опыт противодействия имперскому сахарному и гербовому законодательству в значительной степени закалил виргинское общество и внёс весомый вклад в формирование американской политической нации. В первой половине XVIII в. Виргинские крупнейшие землевладельцы сумели не только накопить огромные ресурсы, но, что более важно, сберегли их в период Франко-индийской войны, а затем отстояли право самостоятельно распоряжаться ими в послевоенное время [25, с. 61–67].

Середина 1760-х гг. стала временем очень серьёзных испытаний на прочность местной системы отношений, и в спорах с метрополией виргинские элиты показали способность переговорами или насилием добиваться необходимого результата. Однозначно доминируя над колониальным вице-губернатором, виргинские правящие элиты не останавливались перед демонстрацией своей реальной власти, но всегда соблюдали умеренность в этом вопросе, показывая метрополии, что правительство сможет получить от Виргинии гораздо больше выгод при обоюдном учёте интересов, нежели от грубого принуждения.

Практически все 1760-е гг. большинство представителей виргинских правящих элит не ставили под сомнение собственную лояльность королю и подчёркивали, что являются главными гарантами успешного хозяйственного развития целого региона, куда помимо самой Виргинии входило пространство сопредельных провинций. Они настаивали на необходимости подтверждения собственных прав и привилегий

и видели себя в роли самобытной американской аристократии, способной стать для монарха такой же опорой, какой для него были высшие сословия Великобритании. В сравнении с другими американскими колониями, в Виргинии именно богатейшие семейства были создателями местной политической нации и сохраняли контроль над ней вплоть до начала американской войны за независимость.

Сменявшие друг друга британские правительства по различным причинам не сумели воспользоваться стольенным потенциальным союзником и, усугубляя конфликт с виргинскими правящими элитами, сами создали одного из своих самых грозных и высокоорганизованных противников. Данный противник сочетал экономическое могущество и политическую власть и впоследствии стал одним из системообразующих столпов войны за независимость, положившей конец британскому владычеству в Северной Америке.

Список литературы

1. Boogher W. F. Gleanings of Virginia history. An historical and genealogical collection. Washington, D. C. : W. F. Boogher, 1903. 465 p.
2. Titus J. The Old Dominion at war: Society, politics, and warfare in late colonial Virginia. Columbia, S. C. : University of South Carolina Press, 1991. 256 p.
3. Parkman F. The Conspiracy of Pontiac and the Indian War after the conquest of Canada : in 2 vols. New York : Little, Brown, and Company, 1885. Vol. I. 367 p.
4. James A. P. The Ohio Company: Its inner History. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 1959. 402 p. <https://doi.org/10.2307/jj.13027293>
5. Lawson P. George Grenville and America: The Years of Opposition 1765–1770 // William and Mary Quarterly. 1980. Vol. 37, № 4. P. 561–576. <https://doi.org/10.2307/1919399>
6. Макаров Е. П. Территориальные приобретения виргинских колониальных элит и вооружённые конфликты с коренным населением долины Огайо в середине 1770-х гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2021. Т. 3, № 4 (12). С. 59–65. <https://doi.org/10.3731/2658-4816-2021-3-4-59-65>
7. Lamb M. Questions of Taxation Research Framed as Accounting Research: A Suggested Approach // Accounting Historians Journal. 2003. Vol. 30, № 2. P. 175–196. <https://doi.org/10.2308/0148-4184.30.2.175>
8. Bullion J. L. This great and necessary measure: George Grenville and genesis of the Stamp Act 1763–1765. Columbia : University of Missouri Press, 1982. 360 p.
9. Hughes E. The English Stamp Duties 1664–1764 // English Historical Review. 1941. Vol. 56, № 222. P. 235–264. <https://doi.org/10.1093/ehr/LVI.CCXXII.234>
10. Langford P. Review British Politics and the Stamp Act Crisis: The First Phase of the American Revolution, 1763–1767 // English Historical Review. 1976. Vol. 91, № 359. P. 393–395.

11. *Ritcheson C. R. The Preparation of the Stamp Act // William and Mary Quarterly. 1953. Vol. 10, № 4. P. 543–559.* <https://doi.org/10.2307/1923594>
12. *Moore M. The justice and policy of taxing the American colonies. Wilmington, North-Carolina : Printed by Andrew Steuart. 1765. 16 p.*
13. *Dulany D. Considerations on the Propriety of Imposing Taxes in the British Colonies. Annapolis, Maryland : 1765. 57 p.*
14. *Henderson H. J. Taxation and Political Culture: Massachusetts and Virginia, 1760–1800 // William and Mary Quarterly. 1990. Vol. 47, № 1. P. 90–114.* <https://doi.org/10.2307/2938042>
15. *Schlesinger A. M. The Colonial Newspapers and the Stamp Act // New England Quarterly. 1935. Vol. 8, № 1. P. 63–83.* <https://doi.org/10.2307/359430>
16. *Hecht J. J. Review: British Politics and the Stamp Act Crisis: The First Phase of the American Revolution, 1763–1767 // New England Quarterly. 1976. Vol. 49, № 1. P. 172–174.* <https://doi.org/10.2307/364585>
17. *Dickerson O. M. British control of American newspapers on the eve of the revolution // New England Quarterly. 1951. Vol. 24, № 4. P. 453–468.* <https://doi.org/10.2307/361338>
18. *Otis J. The rights of the British colonies asserted and proved. Boston, New-England : London reprinted, for J. Almon, 1764. 120 p.*
19. *Newcomb B. H. Effects of the Stamp Act on Colonial Pennsylvania Politics // William and Mary Quarterly. 1966. Vol. 23, № 2. P. 257–272.* <https://doi.org/10.2307/1922510>
20. *Text of the Stamp act, reprinted from an edition published “By Authority”, at London, in 1765. New York : A. Lovell & Company, 1895. 34 p.*
21. *Макаров Е. П. Закон о гербовом сборе 1765 года в восприятии политической нации североамериканских колоний Великобритании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1 (846). С. 95–102.* https://doi.org/10.52070/2500-347X_2022_1_846_95
22. *Spindel D. J. The Stamp Act Crisis in the British West Indies // American Studies. 1977. Vol. 11, № 2. P. 203–221.* <https://doi.org/10.1017/S0021875800003571>
23. *The grievances of the American colonies candidly examined. Printed by Authority, at Providence, in Rhode-Island. London : Printed for J. Almon, 1765. 52 p.*
24. *Weaver E. P. Nova Scotia and New England during the Revolution // American Historical Review. 1904. Vol. 10, № 1. P. 52–57.* <https://doi.org/10.2307/1833814>
25. *Макаров Е. П. Историческое значение Закона о патоке 1733 г. в политико-экономической жизни Виргинии XVIII в. // История государства и права. 2021. № 5. С. 61–67.* <https://doi.org/10.18572/1812-3805-2021-5-61-67>

Поступила в редакцию 22.07.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024;
принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 22.07.2024; approved after reviewing 03.09.2024;
accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025